

ИСТОРИОГРАФИЯ, ИСТОЧНИКОВЕДЕНИЕ, МЕТОДЫ ИСТОРИЧЕСКОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

В. Е. Возгрин

Возгрин Валерий Евгеньевич, доктор исторических наук, профессор кафедры истории Нового и новейшего времени, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет.

E-mail: valerijvozgrin@mail.ru

ЛЕТОПИСЦЫ И ХРОНИСТЫ ШВЕЦИИ

В статье рассматривается обширный и разнообразный комплекс письменных источников. Это – старейшие тексты, исполненные буквами, сменившими скандинавские руны. Летописи (анналы) и хроники представляют собой два самостоятельных жанра нарративных источников, и в статье изложен принцип такого различения. Своё начало шведские летописи берут в Дании, откуда был заимствован не только этот жанр, но и его стиль, и композиция. То же самое можно сказать и о хрониках. И первые, и вторые тщательно исследованы в статье. Это относится даже к носителям текстов – пергаментные они были или бумажные. В статье приведены две группы летописей – старшая и младшая и их состав. Исследованы различные версии происхождения этих летописей, как их изложили шведские историки.

При этом огромную роль играли смены политических ситуаций, в которых находились летописцы. В ещё большей мере от этого зависел труд авторов хроник. Сам этот жанр предполагал некое морализаторское заключение, как правило внешне незаметное. Именно в нём проявлялись политические симпатии и антипатии

хронистов, практически отсутствовавшие у летописцев. На содержание хроник влияло также место их написания. Провинциальные авторы часто ограничивались локальной историей. О королях они упоминали, но подоплёки державной политики не знали. Напротив, авторы, работавшие в Упсале или Лунде, расположенных на скрещении торговых путей, располагали гораздо большими возможностями. Они писали о событиях не только во всей Швеции, но и в Центральной Европе.

Ключевые слова: Швеция, монастыри, хроники, летописи, источники, политика.

V. Vozgrin

Vozgrin Valerij Evgenjevich, Dr. phil., Professor of the Department of Modern and Contemporary history, Institute of History, Saint-Petersburg State University, Saint-Petersburg, Russian Federation.

E-mail: valerijvozhgrin@mail.ru

SCRIPTURES AND CHRONISTS OF SWEDEN

The article discusses an extensive and diverse set of written sources. These are the oldest texts filled with letters that replaced the Scandinavian runes. Scriptures (annals) and chronicles are two independent genres of narrative sources, and the principle of such a distinction is set forth in the article. The Swedish annals begin in Denmark, from which not only this genre was borrowed, but also its style and composition. The same can be said of the chronicles. Both the first and second are thoroughly analyzed in the article. This even applies to text carriers – they were parchment or paper. The article presents two groups of annals – the oldest and youngest and their composition. Various versions of the origin of these annals are explored, as presented by Swedish historians.

In this case, a huge role was played by the changes in political situations in which the chroniclers were. The work of the authors of the chronicles depended even more on this. This genre itself assumed a kind of moralizing conclusion, usually outwardly inconspicuous. It was in him that political sympathies and antipathies of chroniclers were manifested, which were practically absent among chroniclers. The place of their writing also influenced the content of the chronicles. Provincial authors were often limited to local history. They mentioned kings, but they did not know the background of sovereign politics. In contrast, authors who worked in Uppsala or Lund, located at the crossroads of

trade routes, had much greater opportunities. They wrote about events not only throughout Sweden, but also in Central Europe.

Key words: Sweden, Monasteries, Chronicles, Annals, Sources, Politics.

Повествовательные или нарративные источники шведской средневековой истории делятся на летописи и хроники. Они достаточно чётко отличаются друг от друга по авторским признакам. Летописец просто регистрировал сведения об актуальных прежде всего для храма или монастыря событиях, явлениях или бытовых переменах. Так он трудился год за годом, не ставя себе задачей общий анализ произошедшего или выведение каких-то заключений. Достаточно было и такой скромной деятельности – ведь одной из важнейших задач анналистов являлось составление на их основе доказательств владельческих прав своей обители, прежде всего на землю.

Отметим, что именно этот, вполне «земной» вопрос, стоял в основе существования или небытия каждого монастыря. Можно назвать, конечно, исключение из этого правила – например, Ключинский монастырь на берегу французской реки Гросны, которому герцог Гильом Благочестивый даровал в X в. освобождение от налогов и какой бы то ни было церковной или светской юрисдикции. Тем самым Ключинская обитель освободилась от беспокойств о земных, преходящих благах, от контроля сеньором или королём её доходов, как и от назначаемых сверху настоятелей. Но такого прецедента в истории Швеции и её монастырей не отмечено. Северные монахи могли полагаться только на себя – и на существующее право. А юристы испокон века требовали письменных доказательств любому факту. Поэтому на летописцев каждой обители возлагалась важнейшая задача – защита своими трудами монастырского достоинства от покусительств соседних светских магнатов или даже монарха.

Впрочем, некоторые историки не сводят труд летописцев к простой регистрации фактов, считая, что в нём наблюдались важные элементы современного историописания: «...повсюду встречаем мы целенаправленное исследование, основанное на настоящих источниках и придерживающееся чётких и ныне используемых методов: гармонизации и комбинирования источников, а затем конструирования текстов на их основе.

Лишь одного им не доставало – критики источников¹. Утверждение, спорное по своей неподтверждённости источниками, но не будем вдаваться в эту повисшую в воздухе проблему.

Что же касается хроник, то они, по сравнению с рукописями, обладали более сложными композицией и содержанием, включая в себя предпочтительно события династического и даже державного, политического масштаба, впрочем, иногда и сближаясь по форме с рыцарскими балладами (Хроника Эрика), а чаще – с эпическими памятниками. Отличались они от летописей и своей конечной задачей. Летописец фиксировал события текущего года (иногда – текущего дня), не представляя себе, о чём конкретно он будет писать завтра, иногда его текст вообще обрывался на полуслове. Хронист же, во-первых, заранее знал, на каком историческом периоде завершится его сочинение, а во-вторых, готовил к этому моменту выводы, часто с морализаторским уклоном. Согласно концепции авторов хроник, вся история мира, от его сотворения до конца разворачивается в едином времени, двигаясь к намеченной Богом цели – вечному блаженству². К этому великому событию хронисты и готовили своих читателей – как правило, в завуалированной форме.

Впрочем, имели место и рукописи переходного – между летописью и хроникой – жанра. В шведском литературно-историческом наследии к ним можно отнести *Diarium Vazstenense* и памятник, позднее условно названный *Stockholmsfranciskanernas diarium*. Ещё один пример такого рода – так называемая «Хроника Висбю», которую обычно относят к анналам, хоть она несёт и явные признаки хроники. Границу между европейскими анналами и хрониками иногда трудно провести. То есть сочинение, называвшееся *chronicon* могло быть в текстуальном исполнении анналистичным, то есть строго погодным.

Основное здесь различие следующее – анналы связаны с тем, что произошло в каком-то месте или вблизи его вне зависимости от того, связаны ли события между собой, тогда как хроника представляет собой рассказ о событиях – или их перечисление – которые обладают какой-то (напр., хронотопной) общностью или же объединены вокруг центральной действующей личности. Хронисты могли поощряться князьями или города-

¹ *Bolin S.* Om Nordens äldsta historieforslning. Lund: Lund Universitets Årsskrift. Bd. 27. 1931. Н. 3. S. 340.

² *Аверинцев С.С.* Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего Средневековья // *Античность и Византия* / Отв. ред. Л.А. Фрейберг. М.: Наука, 1975. С. 270-274.

ми (в Германии или Швейцарии города располагали относительно свободным положением, превращавшим их в своего рода малые княжества). Такие примеры уже давно существовали на континенте и, можно сказать, являлись продолжением сочинений позднеримских писателей о войне и процессе вандализации. В Швеции наиболее примечательной формой хроники являлись рифмованные сочинения, что начали складываться в XV в. И снова тут просвечивает двойная цель – рассказать о том, что было (историописание) и продвинуть определённые политические запросы и прославить известных политических акторов, которые явно инспирировали и оплачивали сочинение хроник³.

Исторически шведской анналистики следует искать в Дании, где XII-XIII столетиями датируется значительное число рукописей, происходивших, главным образом, из цистерцианского монастыря в Сорё и архиепископской резиденции Лунда⁴, тогда ещё принадлежавшего Дании. Впрочем, старейшую, датско-шведскую летопись за 916-1263 гг. (см. ниже) начали составлять датские доминиканцы, и лишь около сер. XIII в. их дело продолжили шведы, предположительно в Сигтуне или, согласно иному мнению, в доминиканском монастыре Шёнинга⁵.

Приведём сведения о важнейших шведских летописях. Поскольку, в отличие от датских анналов, они не имеют имён собственных, приходится обозначать их датами начал и окончаний текстов, прибегая в остальном к установившейся терминологической традиции⁶.

Старший слой:

Annales 916-1263 (Dansk-svensk årsbok)

Annales 1208-1288 (*Ångsöannalerna*, *Sigtuna-annalerna* или *Skånnin-geannalerna*)

³*Torstendahl R.* I svensk tapning – svenska historiker under utländsk påverkan. In: Svenska historiker: från medeltid till våra dagar / redaktörer: Ragnar Björk och Alf W. Johansson. Stockholm: Norstedts, 2009. S. 32

⁴Подробнее о них см. в: *Возгрин В.Е.* Летописцы и историки Дании: эволюция национальной историографии от Средневековья до современности. СПб.: Крига, 2019. С. 30-47. Далее: Возгрин, 2019.

⁵*Annales Suecici medii aevi: svensk medeltidsannalistik / Kommenterad och utgiven av Göte Paulsson.* Lund: Gleerup, 1974. Passim.

⁶Имеется в виду терминология, использованная в: *Annales Suecici medii aevi...*, 1974.

Annales 1160-1336 (Incerti Scriptoris Sveci-Chronicon Rerum Sveo-Gothicarum)

Младший слой:

Annales 266-1430 (Annales Sigtunenses, Yngre Sigtunaannalerna)

Annales 916-1430 (Chronologia vetusta a. 880-1430)

Annales 1298-1473 (Chronologia vetusta a. 1298-1473)

Visbykrönikan (Chronica Visbyensis 815-1444)

Annales 31-1463 (Annotationes Historicæ ab anno 845 ad annum 1445, Annales Holmiensis 1457-1463)

Annales 826-1415 (Chronologia anonymi).

Кроме перечисленных выше рукописей имеется лишь незначительный или фрагментарный анналистический материал, опубликованный в некоторых старинных изданиях⁷.

Следует отметить, что старейшие летописные заметки шведского происхождения тесно связаны с деятельностью цистерцианцев, пионеров буквенных записей в этой стране; эти памятники ещё в Средние века были перенесены Стефаном, монахом из монастыря Альвастры, в новую столичную церковь. Продолжавшееся взаимодействие между церковной провинцией Уппланл и более старым, насчитывавшим большое число монастырей Эстётским стифтом может рассматриваться также во всё более державно-политически окрашенных записях о событиях следующего века. Но сохранившиеся тексты этого старейшего шведского аннального материала создавались в монастырях Упсальского архиепископского стифта, а один из них – в скриптории самой Упсалы.

С приходом к власти Биргер-ярла и рода Фолькунгов архиепископы и клир новопостроенного собора в Упсале обрели почти всевластное положение по отношению к остальным шведским церковникам, а со сменой монархов в 1275 и ещё более заметно в 1290 гг. державно-политические интересы стали ещё шире отражаться в летописных материалах – как следствие участия архиепископов во внутрдинастических раздорах (Магнус против Вальдемара, Биргер против родственников-герцогов). О

⁷Подр. о них см. в: *Kumlien K. Historieskrivning och kungadöme i svensk medeltid. In: Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademiens handlingar. Historiska serien. Delen 20. 1979. S. 3.* Далее: Kumlien, 1979. Одним из примеров такого рода памятников является небольшая рукопись, содержащая 17 погодных записей, относящихся к XII-XIII вв. (*Sävborg D. Några anmärkningar om Annotationes ex scriptis Karoli och dess källor. In: Historisk tidskrift 137:1. 2017. S. 64-79.*

внешней форме этих записей ничего не известно, до нас они не дошли, но за период 1230-1313 гг. их вдохновителем указывается архиепископ Нильс Кеттильсон (он же Стюре Болин). Это державно-историческое летописание можно проследить в событиях, попавших в Хронику Эрика, благодаря чему она стала единственным источником, сообщающим о многих событиях, связанных со смещением Вальдемара и его дальнейшей судьбе, как и о Торгильсе Кнутссоне и сыновьях Альгота. Их окрашенная церковными интересами и враждебная к Торгильсу и к герцогам тенденция также оставила след в соответствующих местах текстов первого шведского историка Эрика Олая, в свою очередь основанных на Хронике Эрика⁸.

Упомянутое укрепление державной власти отразилось и на составе государственного аппарата, впервые отразившегося в источниках. Управление страной требовало учреждения какого-то служебного органа хотя бы для упорядочения корреспонденции и подготовки верховных распоряжений. Поэтому уже в XIII в. при дворе возникли канцелярия и архив, обслуживаемые соответствующими специалистами. Правительство – как бы оно тогда ни называлось – получало письма и отправляло собственные послания. Его члены выпускали государственные акты и распределяли привилегии. Все поступающие материалы сохранялись, а, чтобы знать, какие решения были приняты, как и их результаты, всё более насущной становилась какая-то форма регистрации в форме книги копий, которая получила наименование *registrum regni*. Надзор за порядком ведения переписки, подготовкой актов и ведением архива осуществляли канцлеры или канцелярии (*kanlerer, cancellarii*).

Эти титулы с эпохи их возникновения носили исключительно высокопоставленные церковники – такие как епископы Карл Линчёпингский, Бенгт Скарский и ещё один Бенгт, брат короля Магнуса Ладулоса. Впоследствии этот титул мог присваиваться клирикам не столь высокого ранга, как, например, линчёпингскому декану Филипу Рагвальдссону (1320-е гг.). Государственной канцелярией (*rikskansli*) это учреждение стало именоваться в знак своего возросшего значения в управлении государством в 1430-х гг., когда канцелярию возглавил епископ Томас Стрэнгнэский. С той поры и до конца Средневековья эту должность по традиции продолжали занимать епископы Стрэнгнэса, носившие в Средние века

⁸Nygren E. «Ericus Olai» (urn:sbl:15388, Svenskt biografiskt lexikon, hämtad 2018-05-28. Обращение 28. 05. 2018). Далее: Nygren, 2018.

почётный титул *summus cancellarius*⁹. Сложившийся в этой канцелярии корпус источников представляет собой ценное дополнение к летописям.

Из летописных источников старшего слоя наиболее интересны три. Первая из них, относящаяся к 916-1263 гг., охватывает в большей своей части (916-1254) главным образом датскую историю, лишь изредка перемежающуюся вставками (сделанными другой рукой) фактов из истории Швеции. Вышеупомянутая локализация её происхождения в Шёнинге – не единственная, высказывалось мнение и об Упсале¹⁰. Рукопись характерна типичными для скандинавского летописания чертами – в ней неоднократно отмечены значение Дании как места первичного формирования текста и перемещение памятника в Швецию. Что же касается шведской части текста, то она, как утверждает в специальной литературе, отражает особенности уппландской и эстергётландской рукописных традиций¹¹.

Д 1867 г. в Энгшё, Вестманланд, была открыта летопись, первоначально получившая название *Annales 1208-1288*. Через 9 лет в третьей части *Scriptores rerum suecicarum* её опубликовал Клэс Аннерштедт, снабдивший памятник основательным комментарием. В нём указывалось место зачинания летописи – Сигтуна, но было отмечено и сильное влияние шёнингских монахов-доминиканцев. Тем не менее, поскольку в тексте обнаружилось ещё одно, уппландское влияние, в частности, сигтунских летописцев, то К. Аннерштедт присвоил ей новое имя собственное *Sigtunaannalerna*.

Несколько исследователей установили независимо друг от друга, что имевшаяся рукопись – вторичный источник, являющийся списком с ранее существовавшего оригинала. Именно этот, более полный вариант имелся в распоряжении упоминавшегося Эрика Олая, использовавшего его в своих изысканиях – это стало очевидным по ряду признаков, в том числе отсутствием в первичном тексте ошибок, перенесённых историком в список из второго¹². Впрочем, последний был скопирован спустя весьма краткий срок после последних событий, описанных в оригинале, то есть

⁹Подробнее о должности (рикс)канцлера см. в: Rikets brev och register. Arkivbildande, kansliväsen och tradition inom den medeltida svenska statsmakten / ed. av Hermann Schück. Stockholm: Skrifter utgivna av Svenska Riksarkivet. B. 4. 1976. S. 123-134.

¹⁰*Kumlien*, *Historieskrivning och kungadöme...* S. 17-18.

¹¹*Ibid.*

¹²*Annales Suecici medii aevi...* S. 37, 184-185.

по свежим следам, так что упомянутые ошибки не являлись принципиальными, имея скорее технический характер. И даже трудно утверждать, что имеющийся вариант памятника скопирован с предшествовавшего оригинала или, пусть даже частично, с совсем иной летописи. Имеется в виду рукопись *Annales 1160-1336* (см. ниже), с которой у рассматриваемого памятника имеется 43 весьма похожие годовые записи, 33 из которых почти аналогичны¹³.

Рукопись *Annales 1160-1336*, исполненная на пергаментных листах, включает в себя, кроме собственно, годовых записей, три хронологических ряда: римских пап до Климента VI (1342-1352) включительно, шведских королей до Карла Кнутссона включительно и упсальских архиепископов до 1305 г. Памятник этот не вполне обычен. Его часть, охватывающая период 1160-1336 гг., исполнена несколькими – по некоторым оценкам от 6 до 8 – явно различающимися стилями. Менее спорно его преимущественно упсальское происхождение. Лишь часть, посвящённая 1323-1343 гг. и приписанная позже, причём на иных носителях, локализуется монастырём Вадстены, куда памятник был в указанные годы перевезён. Вторая его особенность – более половины общего объёма текста снабжено маргиналиями государственно-политического характера, чаще всего сопровождающими записи по XIII веку.

Ошибки в датировках¹⁴, встречающиеся в этих приписках, выдают вторичный характер всего памятника. Несмотря на это обстоятельство, летопись представляет интерес, отчасти содержит замечания, не встречающиеся в других источниках, а отчасти потому, что она отражает в своём тексте до 1270-х гг. традицию, общую для группы точно установленных и вполне надёжных анналов¹⁵. Что же касается более оригинальной информации этого памятника, то исследователи эпохи его создания относят к ним сообщение о том, что мать св. Эрика звалась Цецилией и что у неё были братья ярлы Ульф Галле и Коль, что конунг Магнус Хенриксон пал в 1161 г. в битве при Эребро, а малоизвестная в Скандинавии св. Елизавета Мадьярская скончалась в 1231 г. в возрасте 24 лет и т.д.¹⁶

В некоторых погодных записях летописи повторяются ранние записи вышеупомянутых анналов 1160-1336 гг., касающиеся францисканцев.

¹³*Kumlien*, *Historieskrivning och kungadöme...* S. 22.

¹⁴*Pipping R.* *Kommentartill Erikskrönikan*. Helsingfors: Svensk litteratursällskapet, 1926. *Passim*. Далее: *Pipping*, 1926.

¹⁵*Kumlien*, *Historieskrivning och kungadöme...* S. 22.

¹⁶*Annales Suecici medii aevi...* S. 265.

Однако делать из этого какие-то выводы без тщательного изучения обоих памятников в сравнении их с каким-то третьим было бы неправомерно. К тому же они не являются исключением из общей доминиканской традиции – свойственной и иным летописям, составленным шведскими нищенствующими монахами этого ордена. Другой содержательной особенностью рассматриваемого текста является его явная ориентация на внутренние события в Упсальском архиепископстве. Что, впрочем, легко объяснимо особенностями церковной жизни католического периода её истории: сигтунские монахи на протяжении длинного ряда лет были тесно связаны с резиденцией их духовного главы и покровителя.

Рукопись *Annales 266-1430*, называемая также Младшими сигтунскими анналами (*Yngre Sigtunaannalerna*), содержит 161 бумажный¹⁷ лист, из которых 1-120 содержат записи о событиях XV в., тогда как остальная, меньшая часть текста, посвящена XVI в. Отличие её от большинства анналов – преобладающе правовой характер записей. Впрочем, имеются сведения, представляющие и общеисторический интерес – таков королевский перечень¹⁸ от Улофа Шётконунга (правл. 995-1022) до Эрика Померанского (правл. 1396-1439), *Catalogus* шведских королей, отчасти дублирующий предыдущий перечень, но заканчивающийся на Магнусе Эрикссоне и его приобретении части земель в Сконе (1333), а также фрагмент из Шведской хроники (на шв. языке). Последний расположен перед самой интересной частью рукописи – хронологическим разделом, охватывающим огромный период с 226 по 1430 гг.

Отличительной чертой этой летописи являются более полусотни маргиналий, касающихся периода 1138-1389 гг. и исполненных тем же почерком, что и основной текст, необходимыми дополнениями к которому они являются. Часть этих примечаний касается событий, имевших место в первой пол. XIII в. и известных из других, вполне надёжных источников.

¹⁷Лишь 4 из них являются пергаментными, что вполне объяснимо эпохой перехода на бумагу, когда монахами использовались лишь скромные остатки былых запасов традиционных носителей летописных текстов (*Lindberg N.J. Pappershistoria med tonvikt på medeltiden*. In: *Nordisk Pappershistorisk Tidskrift*. Bd. 3. 1996. S. 10-14)..

¹⁸Королевские перечни или списки (*шв. kungalängder*) – составлявшиеся с конца X в. в хронологической последовательности перечни шведских регентов. Об особенностях использования этих рукописей в качестве источника см в: *Sävborg D. Kungalängder och historieskrivning*. In: *Historisk tidskrift*. 135:2. 2015. S. 201-235

В этом виден результат сознательного и хорошо продуманного уточнения датировки событий и явлений. Однако встречается и более прозаичное объяснение цели такого историографического приёма: он призван воспроизвести примечания, сделанные на листе рукописи, по неизвестной причине не включённом в неё в процессе брошюровки книги¹⁹. Не свободна она и от других недостатков вроде перепутанного переплётчиками порядка листов и, следовательно, не только последовательности фрагментов текста, но и примечаний к нему.

Это затрудняло использование и оценку летописи, различную у ряда работавших с ней историков. Остановимся в виде исключения на демонстрации таких разногласий – вполне типичных в процессе исследовательской работы. Так, Й. Нурдин и К. Аннерштедт относили текст этих анналов к преобладающе доминиканской традиции с отдельными включениями в них фрагментов эстъётского происхождения, но с основным местом написания в Сигтуне. Д. Шефер же подчёркивал её родство с *Annales 916-1430*, в чём его поддерживал С. Болин, а К. Эрслев – с *Annales 826-1415*. К тому же выводу пришёл Стен Энгштрём, но с уточнением, что такой вывод справедлив в первую очередь в отношении записи за 1400 г., касающейся Сёдерчёпинга и Эстерьётланда. Здесь, по его мнению, как *Annales 266-1430*, так и *Annales 1298-1473*, и *Chronologia anonymi* восходят к некоему более подробному и полному тексту. Последний мог представлять собой локальную сёдерчёпингскую летопись – согласно ныне утраченным Шённингским анналам, след использования последней отчётливо просматривается в тех же *Annales 266-1430*. Тем самым он примкнул к исследованию Арне Стаде, утверждавшего, что ныне известная редакция этой летописи явилась на свет в доминиканском монастыре Стрэнгнэса во второй пол. XV в., где была основана на анналах того же периода, составленных в монастыре чёрных братьев близ Шёнинге.

Таким образом, *Annales 266-1430* изначально вели своё происхождение из эстъётской летописи, которая была в давние времена перемещена в доминиканский монастырь Стрэнгнэс, где её данные получили дальнейшее распространение (и дополнения) в списках и более поздних анналах²⁰. Кстати, об этих данных – они носят лишь локальный характер, имеют весьма различную информативную ценность и лишь в ограниченной степени позволяют использовать их для определения происхождения и авторства рукописи.

¹⁹ *Kumlien*, *Historieskrivning och kungadöme...* S. 27-28.

²⁰ *Annales Suecici medii aevi...* S. 63- 67.

Отчего и остаётся ряд тёмных пятен в решении основных вопросов – являлась ли летопись географически и институционально именно шведским памятником? Появилась ли она и усовершенствовалась в Уппланде, Эстерьётланде или Сёдерманланде или, возможно, во всех этих местах поочередно? Далее, писали ли её именно доминиканцы, а если да, то сложилась ли она окончательно в доминиканском монастыре Стрэнгнэса или же в его кафедральном соборе? И являлась ли она вообще доминиканским памятником?²¹ На все эти и иные вопросы по данному сюжету обоснованные и хоть сколько-нибудь полные ответы пока не найдены²². Зато локальные данные помогают определить правдивость других источников, сложившихся в балтийском регионе – от Дании до Эстляндии. Это сообщения летописи вроде того, что в 1296 г. стояли сильные морозы, что в 1392 г. поднялись цены на соль, а дожди 1400 г. затопили селения в низких местах²³.

Ещё одна летопись из Младшего слоя, *Annales 916-1430*, была опубликована довольно рано, в 1818 г.²⁴ Её публикатор Э.М. Фант нашёл текст мало оригинальным, что подтвердили и более поздние исследователи. Датский историк Кристиан Эрслев, а за ним и швед Йеркер Русен доказали связь его со стокгольмской летописью серых братьев, что позволило Ингвару Андерссону присвоить памятнику имя собственное *Gråbrödraannalerna*, под которым он и фигурирует в ряде исследований. Анализ К.Г. Вестманном этой рукописи, а также анналов 1298 и 826-1415 гг. за период около 1300 г. показали их схожесть в ряде деталей, а это позволило С. Болину обоснованно предположить, что за составлением их всех стоял архиепископ Нильс Кеттлиссон²⁵.

²¹В последнем весьма сомневался известный шведский историк Ярл Галлен, правда, не приводя в пользу своего скепсиса веских доводов (*Gallén J. Dominikanerna och medeltida annalistikken i Danmark och Sverige*. In: *Historisk Tidskrift för Finland*. Bd. 25. 1940. S. 37-43, 103-126).

²²*Kumlien, Historieskrivning och kungadöme...* S. 28.

²³Метод сравнения адекватности информации различных летописей по приводимым в них природным явлениям заимствован нами у французского историка Эдмона Поньона, успешно применившего его, правда, к более раннему периоду – к X-XI вв. (*Поньон Э. Повседневная жизнь Европы в 1000 году*. М.: Молодая гвардия, 2009. С. 39-42).

²⁴*Scriptores rerum suecicarum medii aevi*. В. I. Н. I. (1818) / edit. E.M. Fant, E.G. Geijer och J.H. Schröder. Uppsala: Zeipel och Palmblad, 1818. -610 s.

²⁵*Bolin S. Om Nordens äldsta historieskrivning*. In: *Lunds Universitets Årsbok*, 1831. S. 332.

Если текст рукописи информационно не слишком богат, то этого нельзя сказать об оригинальности её формы. Одной из примечательных сторон памятника является наличие в нём оглавления, помещённого на обороте первого листа. Оно позволяет, в частности, сделать вывод об отсутствии в книге былых составных частей, таких как рассуждения о кровеносных сосудах, о лечении лошадей, о лекарственных травах и некоей «новой шведской хронике» (*swerikis kroneka the ny*), под которой почти наверняка подразумевалась Хроника Эрика²⁶.

Что же касается содержания текста в целом, то он представляет собой список с более ранних памятников, причём сделанный с рядом ошибок, прежде всего хронологических. Усерднее всего такой перенос производился с летописи *Annales 1298-1473*, точнее её первоначального, несколько более раннего варианта. Но это можно сказать лишь о части рукописи *Annales 916-1430*, повествующей о событиях до 1400 г., а позднее в ней прослеживается упсальская церковная традиция, причём во многих местах она совершенно бесспорна²⁷. В других местах отмечено прямое сходство с рукописями *Annales 826-1415*, а также в меньшей степени с *Chronologia anonymi*²⁸.

Многосторонние, местами необычно подробные сведения об истории Севера эпохи позднего Средневековья содержатся в летописи *Visbykrönikan*. Она входит в пергаментный кодекс, ранее находившийся во францисканском монастыре Висбю, но который после перемещения по ряду книгохранилищ осел в стокгольмской Королевской библиотеке. Когда именно составные части этого тома начали формироваться, и в каком году их переплели воедино, точно неизвестно, предположительно около 1340 г. Состав кодекса весьма пёстр, и исторические, хронологически упорядоченные записи его составляют лишь небольшую часть фолианта. Это летопись, в основном повествует о Дании, но частично её тексты посвящены шведским событиям, причём составление обоих относят к XV в.

Хроника Висбю явилось предметом тщательного изучения для ряда датских и шведских историков, а одним из последних, Г. Паульссоном, она была полностью опубликована²⁹. Он же установил, какими источниками пользовался доминиканский монах, её составлявший – ими послужила,

²⁶*Kumlien, Historieskrivning och kungadöme...* S. 33. Упомянувшееся оглавление рукописи целиком помещено в данном исследовании на стр. 00-00.

²⁷*Annales Suecici medii aevi...* S. 100-106, 302-310.

²⁸*Kumlien, Historieskrivning och kungadöme...* S. 34-35

²⁹*Annales Suecici medii aevi...* S. 120 ff, 315 ff.

во-первых, Хроника Эрика, а во-вторых, анналистика, составлявшаяся в Шённинге. При этом заключительная часть летописи, посвящённая времени после 1390 г., является более самостоятельной и выдержанной в строго анналистическом стиле. Неудивительно, что именно эта часть представляла наибольший интерес для работавшего с рукописью Эрика Олая и других, более поздних авторов.

Отличие Хроники от других летописных источников Севера заключается в том, что в ней с предельной чёткостью отразилось общество, в среде которого она составлялась, а именно доминиканское братство Висбю со всеми его особенностями. Главной из них в эпоху Фолькунгов был более близкий контакт чёрных братьев со шведской церковью и аристократией, чем с правящей династией, что отличало их летописи от францисканских, выдержанных в сугубо монархическом духе. На стр. 43-49 анонимный летописец изложил, главным образом, события шведской истории, чтобы на стр. 50-52 перейти к истории Дании вплоть до 1287 г. Такое переключение интересов анналиста вряд ли случайно или изначально заданно; оно объяснимо, прежде всего, тем, что в эпоху позднего Средневековья монастырь Висбю попеременно относился как к Дании, так и к Швеции. Любопытно, что летописец в качестве материала для своего труда также попеременно использовал то датские, то шведские источники – на что впервые обратил внимание Т. Хёглунд³⁰.

При анализе сохранившихся шведских летописей неизбежен вывод о том, что информационно они сравнительно небогаты, носят по большей части эксцерптный характер и содержательно схожи друг с другом, хоть и не полностью. При этом все они, а в особенности относящиеся к Старшему слою, частично восходят к Большой шведской рифмованной хронике³¹. И, конечно, общая оценка шведских летописей будет ограниченной без их компаративного сопоставления со средневековой европейской анналистикой.

³⁰Höglund T. Visbyannalernas uppgift om Stockholms grundläggning. In: Studier och handlingar rörande Stockholms historia. B. I. 1953. Подробнее об этом открытии см. в: Österberg Eva. Medeltida årbogsförfattare i teori och praktik. In: Scandia. 2008. S. 156 -160.

³¹Stora svenska rimkrönikan – совокупное обозначение ряда рифмованных хроник: Хроники Эрика, Хроники Энгельбректа, Хроники Карла, Соединительной хроники и Хроники Стуре. Термин ныне почти не употребляется, но он часто встречается в основополагающих исследованиях былых лет.

А при таком сравнении становится очевидным явное превосходство летописного наследия Западной и Центральной Европы над скандинавским. Для обоснования такого вывода современный шведский историк приводит пример английской летописи из монастыря Данстейбла, охватывающей период от рождества Христова до 1297 г. В современном издании она насчитывает более 400 печатных страниц, то есть больше, чем все шведские анналы вместе взятые. А любекские летописи – немецкими историками обычно называемые «хрониками» – составленные францисканцем Детмаром и доминиканским монахом Корнером, гораздо более подробны, чем хронологически соответствующие им северные памятники³².

Стоит отметить при этом, что на особенности скандинавского летописания влияла не только принадлежность анналистов к тому или иному ордену или монастырю (в соборах, даже кафедральных, летописи составлялись крайне редко), но и географическая среда их обитания. Так, расположение Упсалы или Лунда на старинных торговых путях во многом способствовали осведомлённости летописцев о происходящем в Швеции и соседних странах, но также и культурному развитию самих этих городов в целом³³.

Важной предпосылкой для успешной анналистики являлась и сравнительно оживлённая связь между монастырями, в особенности принадлежащими одному ордену. Приведём пример из английского летописания, практика которого существенно не отличалась от континентальной. Один издатель британских монастырских анналов проследил, как такая связь осуществлялась. Он выяснил, что когда монах задумывал летопись для своего монастыря, то он прежде всего заимствовал соответствующую хронику в близлежащем конvente и копировал её в частях, имевших отношение к его обители или ко всей округе. После чего начиналась самостоятельная работа над рукописью, которая при этом нередко становилась более подробной, чем оригинал и, естественно, более хронологически объёмной, так как погодные записи в ней с той поры не прекращались.

Поэтому историографическая ценность такого памятника со временем только возрастала среди прочего и оттого, что в рукопись вносилась

³²*Kumlien, Historieskrivning och kungadöme... S. 41.*

³³*Klingmark Elisabeth H. Gamla Uppsala. Svenska kulturminnen / Faktagranskning: Kent Andersson och Ann Catherine Bonnier. Stockholm: Riksantikvarieämbetets förl. Libris, 2003. - 32 s.*

не только устная информация, но и сведения, получаемые летописцем из скрипториев соседних или даже весьма удалённых монастырей. Как показывает автор английского исследования, обмен информацией такого рода осуществлял доминиканец Корнер, постоянно контактируя с Детмаром, причём принадлежность последнего к францисканскому ордену общему делу отнюдь не мешала³⁴. Это же, кстати, можно отметить и в отношениях францисканцев и доминиканцев Швеции. Вышеупомянутые диаметрально противоположные политические их ориентации (и, соответственно, акценты в летописании) не препятствовали чёрным и серым братьям активно обмениваться эксерцптами из собственных источников и оригинальными рукописями – к обоюдной пользе. К аналогичному утверждению можно придти и в отношении обмена устной информацией, касающейся исторических событий или современности³⁵.

Что же касается законченных и переплетённых экземпляров летописей, то они нередко перемещались из монастыря в монастырь по различным причинам – на время, достаточное для ознакомления с их содержанием или в качестве дара, что случалось реже. Странная судьба постигла большинство шведских анналов в середине XV в., когда имел место некий летописный бум: их начали активно описывать, копировать и даже – частично – переписывать заново. Но такая активность по-прежнему была отмечена только в монастырях – время распространения анналистических знаний в светском обществе ещё не пришло. За появлением новых списков не стоял ни один подданный, состоявший на королевской гражданской или военной службе. Причём дело было не в латинской грамотности, необходимой для обращения с рукописями. В стране имелось немало искушённых латинистов, в особенности на дипломатической, административной или юридической службах. Но ни один шведский нотариус не принял участие в распространении летописных памятников – как это практиковалось, к примеру, в Любеке³⁶.

Между тем, многое указывает на Упсальский кафедральный собор как на центр историографически направленной собирательской и литературной деятельности в Швеции. Об этом говорит, в частности, тот факт, что

³⁴ *Kumlien*, *Historieskrivning och kungadöme...* S. 42.

³⁵ *Kumlien*, *Historieskrivning och kungadöme...* S. 152.

³⁶ *Dreckman B.G.* Lebenslauf des eines vormahligen berühmten Doktors Justus Feuerborn... In: P.F. Weddigens neues Westphalischen Magazin zur Geographie, Historie und Statistik. Erster Band. Viertes Heft. Lemgo und Leipzig, 1790. S. 340.

вокруг него (не в нём!) не только сложилась своя летописная школа, но и в его стенах один из каноников создал во второй половине XV в. первую большую хронику шведского государства. Что же касается остальных духовных центров державы, то из довольно многочисленных монастырей – в общей сложности их насчитывалось, по меньшей мере, четыре десятка – лишь в немногих из них составлялись летописи. Наиболее часто в источниках при этом упоминаются доминиканские монастыри Сигтуны, Шёнинга и Стрэнгнэса, как и францисканские обитатели в Стокгольме и Висбю. На деле их было больше. Но при этом бросается в глаза практически отсутствие летописных упоминаний о цистерцианских монастырях, что конечно же не означает их пассивность в анналистической деятельности. Напротив, некогда они в этом отношении являлись первопроходцами, хотя узнать о их роли в старейшей национальной историографии можно было лишь из группы летописей Младшего слоя.

В заключение следует отметить, что средневековые шведские летописи, как правило, являются выдержками из более ранних источников различных жанровых типов, по большей части утраченных. Впрочем, они обладали схожестью в отображении исторических событий. Это объясняется, скорее всего, постоянным интеллектуальным сотрудничеством монастырей. Но стили рукописей (и почерки) свидетельствуют о том, что эти записи делались в определённое время, в начале XIV – половине и середине XV вв., то ли в виде выписок из более ранних текстов, то ли как эксцерптов из какого-то более обширного материала частично иного типа. Более поздняя и более объёмная группа этих летописей, появившись в XV в. демонстрирует **значительное совпадение в области хронологии**: все они посвящены периоду 1415- ок. 1450 гг. Поэтому напрашивается вопрос, не являются ли эти рукописи результатом целенаправленной деятельности по собиранию исторических фактов, возбуждённой в сер. XV в. теми интеллектуальными достижениями эпохи, что были характерны прежде всего для доминиканских и францисканских монастырей?

ЛИТЕРАТУРА

Аверинцев С.С. Порядок космоса и порядок истории в мировоззрении раннего Средневековья // *Античность и Византия* / Отв. ред. Л.А. Фрейберг. М.: Наука, 1975. С. 266-285.

Барышников В. Н. Игорь Павлович Шаскольский — создатель Ленинградской школы историков-скандинавистов // *Труды кафедры истории Нового и новейшего времени*. 2012. № 9. С. 136–148.

Барышников В. Н., Возгрин В. Е. У истоков современной российской «нордистики»: профессор А. С. Кан и история стран Северной Европы // *Клио*. 2015. № 10(106). С. 227–231.

Барышников В. Н., Даудов А. Х. Изучение истории стран Северной Европы в Санкт-Петербурге (XVIII–XXI вв.) // *Труды кафедры истории Нового и новейшего времени*. 2013. № 11. С. 172–190.

Возгрин В. Е. Балтийский мир — результаты и перспективы научных исследований // *Санкт-Петербург и страны Северной Европы*. 2013. № 14. С. 236–257.

Возгрин В.Е. Летописцы и историки Дании: эволюция национальной историографии от Средневековья до современности. СПб.: Крига, 2019. – 816 с.

Поньон Э. Повседневная жизнь Европы в 1000 году. М.: Молодая гвардия, 2009. -362 с.

Annales Suecici medii aevi: svensk medeltidsannalistik / Kommenterad och utgiven av Göte Paulsson. Lund: Gleerup, 1974. - 422 s.

Bolin S. Om Nordens äldsta historieforslning. Lund: Lund Universitets Årsskrift. Bd. 27. 1931. H. 3. S. 337-354.

Dreckman B.G. Lebenslauf des eines vormahligen berühmten Doktors Justus Feuerborn... // *P.F. Weddigens neues Westphalischen Magazin zur Geographie, Historie und Statistik*. Erster Band. Viertes Heft. Lemgo und Leipzig, 1790. S. 334-360.

Gallén J. Dominikanerna och medeltida annalistikken i Danmark och Sverige // *Historisk Tidskrift för Finland*. Bd. 25. 1940. S. 33-129.

Höglund T. Visbyannalernas uppgift om Stockholms grundläggning // *Studier och handlingar rörande Stockholms historia*. B. I. 1953. S. 1-43.

Klingmark Elisabeth H. Gamla Uppsala. Svenska kulturminnen / Faktagranskning: Kent Andersson och Ann Catherine Bonnier. Stockholm: Riksantikvarieämbetets förl. Libris, 2003. - 32 s.

Kumlien K. Historieskrivning och kungadöme i svensk medeltid // *Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademiens handlingar. Historiska serien*. Delen 20. 1979. – 221 s.

Lindberg N.J. Pappershistoria med tonvikt på medeltiden // *Nordisk Pappershistorisk Tidskrift*. Bd. 3. 1996. S. 10-14

Nygren E. «Ericus Olai» (urn:sbl:15388, Svenskt biografiskt lexikon, Обращение 28. 05. 2018).

Pipping R. Kommentar till Erikskrönikan. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet, 1926. - 496 s.

Rikets brev och register. Arkivbildande, kansliväsen och tradition inom den medeltida svenska statsmakten / ed. av Hermann Schück. Stockholm: Skrifter utgivna av Svenska Riksarkivet. B. 4. 1976. -614 s.

Scriptores rerum suecicarum medii aevi. B. I. H. I. (1818) / edit. E.M. Fant, E.G. Geijer och J.H. Schröder. Uppsala: Zeipel och Palmblad, 1818. -610 s.

Sävborg D. Kungalängder och historieskrivning // Historisk tidskrift. 135:2. 2015. S. 201-235.

Sävborg D. Några anmärkningar om Annotationes ex scriptis Karoli och dess källor // Historisk tidskrift 137:1. 2017. S. 64-79

Torstendahl R. I svensk tapning – svenska historiker under utländsk påverkan // Svenska historiker: från medeltid till våra dagar / redaktörer: Ragnar Björk och Alf W. Johansson. Stockholm: Norstedts, 2009. S. 31- 44.

Österberg Eva. Medeltida årbogsförfattare i teori och praktik // Scandia. 2008. S. 156 -160.

REFERENCES

Annales Suecici medii aevi: svensk medeltidsannalistik / Kommenterad och utgiven av Göte Paulsson. Lund: Gleerup, 1974. - 422 s. (In Swedish)

Averintsev S.S. *Poryadok kosmosa i poryadok istorii v mirovozzrenii rannego Srednevekov'ya* [The order of the cosmos and the order of history in the worldview of the early Middle Ages] // *Antiquity and Byzantium* / ed. by L.A. Freiberg. M.: Nauka Publ., 1975. P. 266-285. (In Russian)

Baryshnikov V. N. Igor' Pavlovich Shaskol'skij — sozdatel' Leningradskoj shkoly istorikov-skandinavistov [Igor Pavlovich Shaskolsky — creator of the Leningrad school of Scandinavian historians], in *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni [Proceedings of the Department of Modern and Contemporary history]*. 2012. № 9. P. 136–148. (In Russian)

Baryshnikov V. N., Daudov A. H. Izuchenie istorii stran Severnoj Evropy v Sankt-Peterburge (XVIII–XXI vv.) [Studying the history of the countries of Northern Europe in St. Petersburg (XVIII–XXI centuries)], in *Trudy kafedry istorii Novogo i novejshego vremeni [Proceedings of the Department of Modern and Contemporary history]*. 2013. № 11. P. 172–190.

Baryshnikov V. N., Vozgrin V. E. U istokov sovremennoj rossijskoj «nordistiki»: professor A. S. Kan i istorija stran Severnoj Evropy [At the origins of modern Russian Nordic studies: Professor A. S. Kahn and the history of the Nordic countries], in *Klio*. 2015. № 10(106). P. 227–231. (In Russian)

Bolin S. Om Nordens äldsta historieforslning. Lund: Lund Universitets Årsskrift. Bd. 27. 1931. H. 3. S. 337-354. (In Swedish)

Dreckman B.G. Lebenslauf des eines vormahligen berühmten Doktors Justus Feuerborn... // P.F. Weddigens neues Westphalischen Magazin zur Geographie, Historie und Statistik. Erster Band. Viertes Heft. Lemgo und Leipzig, 1790. S. 334-360. (In German)

Gallén J. Dominikanerna och medeltida annalistikken i Danmark och Sverige // Historisk Tidskrift för Finland. Bd. 25. 1940. S. 33-129. (In Swedish)

Höglund T. Visbyannalernas uppgift om Stockholms grundläggning // Studier och handlingar rörande Stockholms historia. B. I. 1953. S. 1-43. (In Swedish)

Klingmark Elisabeth H. Gamla Uppsala. Svenska kulturminnen / Faktagranskning: Kent Andersson och Ann Catherine Bonnier. Stockholm: Riksantikvarieämbetets förl. Libris, 2003. - 32 s. (In Swedish)

Kumlien K. Historieskrivning och kungadöme i svensk medeltid // Kungl. Vitterhets historie och antikvitets akademien handlingar. Historiska serien. Delen 20. 1979. – 221 s. (In Swedish)

Lindberg N.J. Pappershistoria med tonvikt på medeltiden // Nordisk Pappershistorisk Tidskrift. Bd. 3. 1996. S. 10-14. (In Swedish)

Nygren E. «Ericus Olai» (urn:sbl:15388, Svenskt biografiskt lexikon, Обращение 28. 05. 2018). (In Swedish)

Pipping R. Kommentar till Erikskrönikan. Helsingfors: Svenska litteratursällskapet, 1926. - 496 s. (In Swedish)

Pon'on E. Povsednevnyaya zhizn' Evropy v 1000 godu [Everyday life in Europe in 1000]. M.: Molodaya gvardiya Publ., 2009. -362 pp. (In Russian)

Rikets brev och register. Arkivbildande, kansliväsen och tradition inom den medeltida svenska statsmakten / ed. av Hermann Schück. Stockholm: Skrifter utgivna av Svenska Riksarkivet. B. 4. 1976. -614 s. (In Swedish)

Scriptores rerum suecicarum medii aevi. B. I. H. I. (1818) / edit. E.M. Fant, E.G. Geijer och J.H. Schröder. Uppsala: Zeipel och Palmblad, 1818. -610 s. (In Latin)

Sävborg D. Kungalängder och historieskrivning // Historisk tidskrift. 135:2. 2015. S. 201-235. (In Swedish)

Sävborg D. Några anmärkningar om Annotationes ex scriptis Karoli och dess källor // Historisk tidskrift 137:1. 2017. S. 64-79. (In Swedish)

Torstendahl R. I svensk tapning – svenska historiker under utländsk påverkan // Svenska historiker: från medeltid till våra dagar / redaktörer: Ragnar Björk och Alf W. Johansson. Stockholm: Norstedts, 2009. S. 31- 44. (In Swedish)

Vozgrin V. E. Baltijskij mir — rezul'taty i perspektivy nauchnyh issledovanij [Baltic world — research results and prospects], in *Sankt-Peterburg i strany Severnoj Evropy [Saint-Petersburg and the Nordic countries]*. 2013. № 14. P. 236–257.

Vozgrin V.E. Letopisey i istoriki Danii: evolyuciya nacional'noj istoriografii ot Srednevekov'ya do sovremennosti [Chroniclers and historians of Denmark: the evolution of national historiography from the Middle Ages to the present.]. SPb.: Kruga Publ., 2019. – 816 pp. (In Russian)

Österberg Eva. Medeltida årbogsförfattare i teori och praktik // *Scandia*. 2008. S. 156 -160. (In Swedish)